

«ТЕКСТЫ-ПРОДОЛЖЕНИЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере пьесы Е. П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву»)

А. Ю. Кудина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В статье рассматривается проблема «текстов-продолжений» в контексте вторичных текстов и в контексте общей теории интертекстуальности. На материале «текста-продолжения» «Возврат Чацкого в Москву» Е. П. Ростопчиной и претекста «Горе от ума» А. С. Грибоедова рассматриваются типы межтекстовых связей. Делается вывод о том, что между двумя данными текстами существуют интертекстуальные, паратекстуальные и гипертекстуальные межтекстовые связи.

Ключевые слова: теория интертекста, вторичный текст, «текст-продолжение», типы межтекстовых связей.

Прежде чем говорить непосредственно о тексте Е. П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки» (1856), следует остановиться на проблеме интертекстуальных связей в художественных литературных произведениях и определении самого понятия «текст-продолжение».

Произведение Ростопчиной, безусловно, является вторичным текстом по отношению ко всем известному «Горю от ума». Комедия Грибоедова вызвала большой резонанс при своем появлении, оказала огромное влияние на современную литературу и литературу последующих периодов и вошла в историю русской литературы. Это влияние выразилось в большом количестве аллюзий и отсылок к данному тексту в произведениях других авторов, в распространении цитат из комедии и закреплении их в русском языке в качестве крылатых выражений, а также в том, что «Горе от ума» имеет продолжение, написанное другим автором — Е.П. Ростопчиной, которое повторило судьбу канонического текста: было запрещено цензурой и опубликовано только через семь лет после смерти автора — в 1865 г.

Существует множество видов вторичных текстов, для которых пока не создано единой классификации, поскольку разные исследователи в качестве определяемых признаков выбирают различные характеристики. При изучении феномена вторичных текстов в художественной литературе (важно отметить, что вторичные тексты широко распространены и за ее пределами) нам следует обратиться к общей теории интертекстуальности. Ю. Кристева, опираясь на идеи М. М. Бахтина о первичных и вторичных речевых жанрах, приходит к выводу, что художник помимо существующей объективной действительности всегда имеет дело с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге» [6, с. 427-475].

Термин *вторичный текст* в отечественной лингвистике и литературоведении впервые появился в 1983 г. благодаря М. В. Вербицкой, также опирающейся на работы М. М. Бахтина. Ее исследование посвящено такому художест-

венному явлению, как пародия [1]. Вербицкая в своей работе выделяет такие относительно несамостоятельные тексты, как пародия, стилизация, перифраз и т.п., именно подобные тексты она относит ко вторичным текстам, противопоставляя им тексты, обладающие оригинальностью, своеобразием, в которых присутствует индивидуальная авторская манера. По Вербицкой, вторичный текст — это «произведение стилистически вторичное, воспроизводящее важнейшие особенности стиля протослова, которые и придают этому последнему художественное многообразие» [2]. По мнению Вербицкой, подобные тексты наследуют стилистические, жанровые, структурные черты предшествующего текста и направлены на передачу этих черт.

О. А. Владимирова, полемизируя с М. В. Вербицкой, отмечает, что данный лингвостилистический подход является малоэффективным для литературоведения, поскольку понятие языкового стиля (имеющего отношение к лексическим, синтаксическим, фонетическим, просодическим и т.п. элементам текста) гораздо уже понятия стиля в литературоведении. Владимирова отмечает, что «вторичный текст как текст производный должен рассматриваться с точки зрения порождения текста», и дает определение вторичного текста: это «текст, созданный как вариант другого текста (прототекста), обладающего с ним высокой степенью структурной общности» [3, с. 12–15].

Наиболее известным исследователем межтекстовых связей на Западе является Жерар Женетт, идеи которого нашли свое отражение в двух его трудах — «Ведение в архитекткст» (1979) и «Палимпсесты» (1982) [5, с. 78–102, 282–340]. Женетт создал классификацию межтекстовых связей и выделил пять типов транстекстуальности: интертекстуальность как присутствие одного текста в другом (цитата, аллюзия и т.п.); паратекстуальность (связь текста со своим паратекстом: предисловия, предуведомления, иллюстрации и т.п.); метатекстуальность (связь комментария и комментируемого им текста); архитекткстуальность (связь текста с типом дискурса / жанра, которому он принадлежит); гипертекстуальность, «транстекстуальность *par excellence*» (данные отношения связывают текст с предшествующим ему текстом и отличаются от отношений текста-комментария с комментируемым им текстом) [см.: 7, с.54–55].

В работах данных исследователей, посвященных феномену вторичных текстов, практически не затрагивается проблема «текстов-продолжений» (рабочий термин, который мы будем использовать), то есть текстов, которые являются продолжениями известных оригинальных произведений, ставших, как правило, каноническими, многие из которых являются не только признанными шедеврами национальных литератур, но и оказываются плотно вплетенными в целом в текст культуры, как национальной, так и мировой. На наш взгляд, подобные тексты плохо вписываются в какую-либо из предложенных классификаций, поскольку в них зачастую присутствуют несколько характерных черт.

Вербицкая предлагает лингвостилистический подход к изучению вторичных текстов. Владимирова основным признаком вторичных текстов называет высокую степень структурной общности вторичного текста с первичным тек-

стом. Вместе с тем, по своему композиционному членению «Возврат Чацкого в Москву...», названный Е. П. Ростопчиной «разговором в стихах», существенно отличается от комедии А.С. Грибоедова.

При анализе «Возврата Чацкого в Москву» Е. П. Ростопчиной как «текста-продолжения» мы будем придерживаться логики Ж. Женетта для выявления межтекстовых связей двух произведений.

В первую очередь, мы обратимся к анализу интертекстуальных связей, к которым Женетт относит присутствие одного текста в другом в форме цитат, аллюзий. Одним из наиболее ярких примеров интертекстуальных связей двух произведений является одинаковое место действия. В пьесе Ростопчиной действие развивается, как и в комедии Грибоедова, в гостиной у Фамусова. Вторым ярким примером интертекстуальных связей выступают действующие лица пьесы Ростопчиной: это грибоедовские герои по прошествии двадцати пяти лет.

Ростопчина следует логике развития характеров персонажей, заданной Грибоедовым, предполагая те жизненные ситуации и события, которые могли бы с ними произойти за двадцать пять лет жизни. Так, Чацкий в финале комедии Грибоедова, произносящий слова:

Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету! [4] —

действительно, покидает Москву на двадцать пять лет и появляется в пьесе Ростопчиной со словами:

Я жил... устал!.. объездил целый свет.
Катался по суше, по морю, океаном;
Уехал мальчиком, вернулся ветераном! [8]

Фамусов уже стар и не совсем здоров, но до сих не теряет интереса к дамам и очарован молодой женой Молчалина. Петрушка по-прежнему верен своему хозяину, хотя и не так бойко справляется со своими обязанностями в силу своего возраста (ему уже 68 лет). Служанка Лиза все так же помогает по хозяйству, но теперь, по прошествии двадцати пяти лет, к ней обращаются по отчеству — Филипповна. Молчалин (уже с семьей) живет в доме Фамусова и, благодаря его протекции, добился чина действительного статского советника и имеет блестящие карьерные перспективы. Софья Павловна вышла замуж за Скалозуба и стала властной матерью семейства, поведение которой достаточно далеко от того, чтобы быть примером высокой морали. Она очень расчетлива, и, узнав о появлении Чацкого, тут же решает выдать за него замуж одну из своих дочерей. Но после того как выясняется, что Чацкий не так богат, как она думала, он теряет интерес в ее глазах. Кроме того, Софья Павловна позволяет себе любовные интрижки с учителями своих детей и некоторыми сановными лицами. Графиня-

внучка Хрюмина — светская сплетница, а пара Горичей с удовольствием восприняла идеи славянофильства и с жаром поддерживает поэта Елейкина.

Вместе с тем может показаться, что в развитии судеб персонажей встречаются и парадоксальные ситуации, к которым как раз относится замужество Софьи. Влюбленная в Молчалина у Грибоедова, Софья все же выходит замуж за Скалозуба у Ростопчиной. Хотя парадоксальной данная ситуация представляется только с первого взгляда. Если вспомнить «Горе от ума» и слова Чацкого о том, что Софье нужен «муж-мальчик», «муж-слуга» [4], то женитьба Софьи и Скалозуба вполне закономерна. Суровый в социальной жизни (на посту губернатора К. губернии), Скалозуб полностью подчиняется в быту жене, а Софья, как все московские барыни, умело им руководит в семейных отношениях и даже принимает участие в его служебных делах.

В пьесе-продолжении появляется и Антон Антонович Загорецкий, который благодаря своей изворотливости и склонности к аферам и занятиям ростовщицеством становится миллионером. В дом Фамусова по-прежнему входят представители семейства Тугоуховских, Ростопчина вводит в действие двух из шести их дочерей, которые также являются персонажами из канонического текста. Они придерживаются западных взглядов, поскольку Мими вышла замуж за профессора-западника Феологинского, а Зизи стала эмансипированной дамой, одевается в стиле Жорж Санд и курит сигару.

Ростопчина вводит и новых персонажей: Гедвигу Францовну, жену Молчалина, поэта-славянофила Мстислава Елейкина, его противника Феологинского, приверженцев социалистических идей — молодого учителя сестер Скалозуб и студента Цурмайера, детей Софьи, среди которых особое внимание уделено эмансипированной Вере, четверых детей Молчалина. Все эти персонажи появляются в «тексте-продолжении» для того, чтобы показать, как в течение двадцати пяти лет могла бы повернуться жизнь персонажей Грибоедова. Кроме того, именно их споры отражают политические споры западников и славянофилов середины XIX века. В комедии Грибоедова также присутствуют социально-политические мотивы, но суть их заключается в другом, поскольку отличается само историческое время.

Вторым типом транстекстуальности в классификации межтекстовых связей Женетта является паратекстуальность, которая основана на связи текста со своим паратекстом: предисловиями, предуведомлениями, иллюстрациями и т. п. В пьесе Ростопчиной паратексту отводится достаточно большое место. Полностью название пьесы звучит как «Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Разговор в стихах». Упоминание имени главного героя комедии «Горе от ума» в названии пьесы (в сильной позиции текста) указывает на сильные паратекстуальные связи между каноническим текстом комедии и «текстом-продолжением». После развернутого заглавия автор предлагает подзаголовок: «Продолжение комедии А. С. Грибоедова „Горе от ума“», а после списка действующих лиц размещает «Примечание от автора», которое дает разъяснения о месте, времени действия, а также героях

пьесы: «При означении лет наших лиц мы приняли в расчет, что „Горе от ума“ написано в двадцатых годах нашего века и ходило по рукам в России до 1826 года, стало быть, действие могло относиться к предыдущему, то есть к 1825 году; а так как у Грибоедова говорится про Софью Павловну: „В семнадцать лет, вы расцвели прелестно!“, то мы должны полагать, что в 1850 году ей около 43 лет, и как в „Горе от ума“ раз говорится, что Чацкий воспитан с Софьей, что они детьми вместе играли, поэтому мы думаем, что Чацкий не может быть много старше Софьи, а, вероятно, какими-нибудь четырьмя-пятью годами. На этих данных основано у нас распределение лет и возрастов всех грибоедовских лиц по отношению к двум главным» [8].

Данный паратекст является достаточно обширным рассуждением о реальном времени появления и распространения комедии «Горя от ума» и соотношении возраста героев оригинального произведения применительно к реальному историческому времени, а также возраста героев пьесы Ростопчиной относительно возраста персонажей Грибоедова. Ростопчина пытается наиболее точно и исторически верно воссоздать возраст героев своего произведения по отношению к возрасту персонажей Грибоедова, хотя и допускает небольшую погрешность в расчетах: в «Горе от ума» Софье «осмнадцать лет» [4]. Гораздо более важно то, что автор пытается максимально правильно соотнести возраст героев своей пьесы с возрастом героев комедии Грибоедова. Таким образом усиливаются интертекстуальные связи текста-оригинала и «текста-продолжения».

Метатекстуальные и архитектстуальные межтекстовые связи пьесы Ростопчиной и комедии Грибоедова являются вспомогательными. Метатекстуальность (связь комментария и комментируемого им текста) применительно к тексту Ростопчиной можно рассматривать только в связи с единственным на сегодняшний день обстоятельным комментарием А. М. Ранчина к подготовленному им изданию сочинений Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина. Литературные сочинения» [8]. Архитекстуальность (связь текста с типом дискурса / жанра, к которому он принадлежит) является наименее очевидным типом межтекстовых связей для двух данных произведений, поскольку сами авторы дают им разные жанровые определения. Грибоедов своему произведению дает жанровое определение *комедия*, Ростопчина определяет свою пьесу как «разговор в стихах». Безусловно, между данными произведениями существуют архитектстуальные межтекстовые связи, поскольку в обоих текстах присутствуют элементы и приемы комедии положений и комедии интриги, но данный вопрос требует отдельного изучения.

Пятым типом межтекстовых связей, который выделяет Женетт, является гипертекстуальность, «транстекстуальность *par excellence*». Этот тип наиболее широко описывает интертекстуальные отношения, поскольку, по мнению исследователя, данные «отношения связывают текст с предшествующим ему текстом и отличаются от отношений текста-комментария с комментируемым им текстом» [цит. по: 7, с. 54–55]. На наш взгляд, данный тип отношений включает в себя все другие, которые, в свою очередь, являются частными случаями ги-

пертекстуальности. Как отмечалось выше, между комедией «Горе от ума» и пьесой «Возврат Чацкого в Москву» существуют достаточно тесные интертекстуальные и паратекстуальные связи, поэтому мы можем говорить о сильных гипертекстуальных связях между текстами.

В «тексте-продолжении» «Возврат Чацкого в Москву» сильны интертекстуальные связи по отношению к претексту (комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»), что особенно наглядно проявляется в заимствовании героев пьесы из текста-оригинала, развитии их характеров в логике, предложенной автором первичного текста, в использовании аллюзий к данному тексту, а также в хронотопе, восходящем к комедии Грибоедова. Кроме того, текст Ростопчиной и текст Грибоедова связывает сильная паратекстуальная связь благодаря наличию в «тексте-продолжении» «Примечания от автора».

Проанализировав продолжение «Горе от ума», можно сделать вывод о том, что «тексту-продолжению» как одной из разновидностей вторичных текстов свойственны наличие сильных гипертекстуальных связей, в том числе интертекстуальных, паратекстуальных, метатекстуальных и архитектстуальных, при этом некоторые из этих типов могут выступать в качестве доминантных, а остальные присутствовать в тексте в качестве вспомогательных.

Список литературы

1. *Вербицкая М. В.* Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 220 с.
2. *Вербицкая М. В.* Теория вторичных текстов: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
3. *Владимирова О. А.* К определению понятия «вторичный текст» // Парадигмы: сб. статей молодых филологов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 12–15.
4. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений: в 3 т. / редкол.: С. А. Фомичев (гл. ред.), А. В. Архипова, В. Э. Вацура, А. Л. Гришунин, Н. Н. Скатов; Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит (Пушк. дом). СПб.: Нотабене, 1995–2006. Т. 1. Горе от ума. 1995. 345 с.
5. *Женетт Ж.* Работы по поэтике. фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 944 с.
6. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М: Прогресс, 2000. 536 с.
7. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
8. *Ростопчина Е. П.* Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки // Счастливая женщина: литературные сочинения / сост., коммент. А. М. Ранчина. М.: Правда, 1991. 448 с.

Об авторе

КУДИНА Анастасия Юрьевна, аспирант кафедры истории и теории литературы ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь; e-mail: kudina555@mail.ru